

Чернов Владимир

06.-04.95

Явление странствующего мастера

Маринский театр. - 1995. - № 6-7. - с. 7

Концертом Владимира Чернова в Большом зале консерватории завершилась первая половина певческого биеннале "Ирина Архипова и Валерий Гергиев представляют". Программки, однако, могли ввести публику в некоторое изумление: вместо реальной даты — 27 мая — на них стояла совсем иная — 27 ноября, словно напоминая о многотрудной и многострадальной истории явления Чернова перед сточичной публикой.

Толки о предстоящем концерте ходили по музыкальной Москве уже довольно давно, но администрация Большого зала откровенно сомневалась в способности солиста Метрополитен Опера Владимира Чернова (как, к слову, и любого другого отечественного вокалиста) собрать полный зал: кто, мол, помнит этого вашего Чернова? Ответом на этот вопрос был переполненный, несмотря на страшную жару, зал.

Некоторые из участников биеннале обнаружили обыкновение представлять перед московской публикой вовсе не в той творческой ипостаси, которая ей наиболее известна. Чернов знаменит как один из первых в мире "вердиевских" баритонов и совсем неудивительно, что высказывания типа: "Уж лучше бы "Бал-маскарад" в Большом спел" слышались буквально на каждом углу в консерваторском фойе.

Однако у всякого художника своя мера, взгляд и вкус. Чернов счел нужным представить в Москве сугубо камерную программу, "разбавленную" несколькими оперными ариями. Замечу сразу, что включать в нее, да еще в качестве почина, арию Елецкого вряд ли стоило. Голос певца звучал далеко не лучшим образом, и видно было

(к сожалению, это сказалось и на конце программы), что он очень тяжело переносит аномально высокую температуру и влажность (ни о какой вентиляции в давно ждущем реконструкции Большом зале говорить не приходится).

Однако неудавшаяся ария Елецкого оказалась не более чем каплей дегтя в солидной бочке высококачественного "меда", каковым, без сомнения, оказалось первое отделение, где Чернов показал себя блестящим мастером вокальной миниатюры: практически все романсы (Чайковского, Кюи, Рахманинова, Гречанинова) содержали не более шести-восьми поэтических строк. Особенно удались Чернову два романса Гречанинова — "Край ты мой..." и "Узник".

Второе же отделение, основу которого составили "Литания" Шуберта и малеровский цикл "Песни странствующего подмастерья", столь же сильного впечатления не произвело. Конечно, нельзя сказать, что оно было откровенно неудачным. Но когда во время исполнения циклов подобных малеровскому, то и дело ловишь себя на мысли, что вот эта нота хороша, и та фраза спета красиво, да и концертмейстер (Важа Чачава) — царь и бог, а целого отнюдь не получается и не видится — воля ваша, все это приводит к выводу, что в немецкой музыке Чернов пока не достиг столь же ослепительных вершин, как в итальянской.

Впрочем, за вожделенную арию Ренато, сцену смерти Родриго и блистательно спетый и сыгранный монолог Форда из "Фальстафа" публика забыла певцу все "немецкие" шероховатости.

Георгий ОСИПОВ